

ЛЕКСИЧЕСКИЕ БАЛТИЗМЫ В ПСКОВСКИХ ГОВОРАХ

Ю. ЛАУЧЮТЕ

Особенности фонетики, морфологии и лексики псковских говоров, не укладывающиеся в обычные восточнославянские нормы, уже давно привлекают внимание исследователей и получают разные толкования. Однако, несмотря на серьезные расхождения между гипотезами А. И. Соболевского – Б. А. Ларина и А. А. Шахматова – Ф. П. Филина, в обоих случаях признается явная связь между псковскими говорами и балтийскими языками. Особенно четко эта точка зрения была высказана Б. А. Лариным, который писал, что псковский диалект может рассматриваться „как реликт исчезнувшей группы диалектов, переходных от славянских языков к балтийским, а не к западнославянским“¹. Все это свидетельствует о том, что при решении проблемы происхождения псковских говоров первостепенное значение имеет вопрос об их связях с балтийскими языками. Одним из аспектов этого общего исследования является анализ балтизмов в псковских говорах, проведенный на фоне более широкого анализа взаимных балто-славянских лексических заимствований.

Проблема заимствований из балтийских языков в славянские разработана очень мало, по сравнению с заимствованиями из славянских языков в балтийские. Между тем, работа по исследованию белорусской, украинской (А. П. Непокупный) и польской (Т. Зданцевич) диалектной лексики, проведенная в последние годы, свидетельствует о том, что количество балтизмов в славянских языках было более значительным, чем обычно принято считать. В этих условиях анализ псковских балтизмов приобретает особо важное значение для решения вопроса о характере древнейших балто-славянских лексических связей. Так как в основу исследования берется материал псковских говоров, одной из задач настоящей работы является выяснение специфики псковских балтизмов по сравнению с лексикой балтийского происхождения, отмеченной в других славянских языках и диалектах.

¹ Б. А. Ларин. Историческая диалектология русского языка в курсе лекций акад. Шахматова и наши современные задачи. — Очерки истории языка, Л., 1960, стр. 12.

Основой исследования послужил материал, собранный из картотеки Псковского областного словаря и проверенный по картотеке Словаря русских народных говоров (кСРНГ). Дополнительно привлекался материал из областных диалектных словарей русского, белорусского, украинского и польского языков².

Материал балтийских языков приводится по академическому словарю литовского языка, этимологическому словарю Э. Френкеля, литовско-русскому словарю Б. Серейсиса и словарю латышского языка К. Мюленбаха — Я. Эндзелина. Ссылки на словари делаются лишь в тех случаях, когда в них содержатся указания на балтийское происхождение исследуемых слов.

Собранный нами материал отнюдь не является полным, так как исследование псковских говоров еще продолжается и с каждым годом появляются все новые данные. Кроме того, в предлагаемый список не вошли предполагаемые балтизмы (*куль* „сноп соломы или льна“, *бруздила* „удила“ и др.), которые требуют дополнительного исследования. Неполно представлены также слова латышского происхождения, по-видимому, уступающие в количественном отношении псковским литуанизмам.

Список псковских балтизмов³:

АРЫБА, ОРЫБА „пахота“, Холм. — Лит. *aryba* „пахота“.

АСВЕР „колодезный журавль“, Себ., Беж., Локн.; „колодец с журавлем“, Аш., Локн., Оп., Пуст., Себ., Холм.; „гибкий шест, на котором подвешивается колыбель“, Беж., Сер.; „пест для толчения в ступе“, Нев.; *асвэра* „тягота, трудность“, Остр.; *освэр* „палка, рычаг“, Пск. // Русские говоры в Лит. и Латв. ССР: *освэр* „журавль у колодца; упругий, гибкий шест“; Эст. ССР „рычаг“. /// Блр. *асвэр* „журавль у колодца“, *свир* то же, Витебск.; ср. польск. диал. *świrśnia* „подвижный брус колодезного журавля“. — Лит. *svīftis* „журавль, колодезное коромысло; оцеп; журав; рычаг“, *svyris* „наклонение“, к *svērti* „вешать, взвешивать, поднимать с помощью рычага“, *svirti* „наклоняться, склоняться“; лтш. *svira, svira* „рычаг, колодезный журавль“, *svirte* „рычаг“, *svirnis* „рычаг насоса“ и др.; Блезе, 22.

² В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, М., 1955; И. И. Носович. Словарь белорусского наречия, СПб, 1870; Б. Гринченко. Словарь української мови, Київ, 1908—1909; J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, Kraków, 1900—1911; J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, Warszawa, 1900—1953 и др.

³ Так как в картотеке ПОС не всегда засвидетельствована форма, непосредственно заимствованная из балтийских языков и нередко встречающаяся в других диалектах русского языка, в списке в качестве заглавных приводятся производные слова, возникшие уже на славянской почве и оформленные по славянским словообразовательным моделям (напр., *валандало*, *дегтярь*, *янтаревый* и др.).

АШАКИ́ (множ. ч.) „шелуха от зерен“, Себ. /// Блр. *ašaki* „ость, отруби; кожура зерен ячменя“. — Лит. *āšaka* (множ. ч.: *āšakos*) „ость, отруби; рыба кость“; Урбутис, 49.

БАЛАНДА „кушанье плохого качества, жидкая похлебка“, Дн., Ляд., Кр., Палк., Себ., Стр.; перен.: „что-нибудь плохое, малоценное“, Палк. // *Balánda* „разного рода кушанья“, Влад., Дон., Ленингр., Нижегород., Пенз., Рост., Ряз., Свердлов., Смол., Симб., Тамб., Урал.; „вид лебеды; ботва, идущая на ботвинью“, Ряз. (?), Тамб.; „бранное слово“, Калуж., Костр., Дон., Волог., Симб., Яросл. — Вероятно, заимствовано из балтийских языков: лит. *balánda* „лебеда“, лтш. *baluoda, balañda* то же; REW, I, 45. Ср. также *balandiēne* „суп из лебеды“, *balañdmetis* „плохой, голодный год“, т.е. „год, когда приходится есть лебеду“.

ВАЙНУТЬ „прикрикнуть“, Локн. — Лтш. *vainuót, vainát, vainēt* „обвинять, порицать, оскорблять, вредить“, *vaina* „недостаток, дефект; вина“, лит. *vainóti* „бранить, поносить, обвинять“, *vaina* „недостаток, вина“.

ВАЛАНДАЛО „тот, кто валандается; медлительный, неповоротливый человек“ (КСРНГ). // Ср. Волог., Курск., Орл., Тамб. *валáнда* „медлительный, неповоротливый человек“. /// Блр. *валы́нда* „праздно шатающийся, любящий шляться“, укр. *балáнда* „медлительный, неповоротливый человек; вздорный болтун“. — Лит. *valandà* „час, время“, REW, I, 166; LEW, 1188.

ВАЛАНДАТЬСЯ „возиться, мешкать; быть неповоротливым“, Беж.; „насыщаться, наедаться“ (КСРНГ); *валáндаться* „перепровождать время с кем-нибудь“, Печ.; *вандаться* „возиться, нянчиться“, Кр. // *Валáндаться* Влад., Казан., Калуж., Иссyk-Кульск., Новг. „барахтаться (в воде, в грязи), пачкаться“; Волог. „колыхать, кидать волнами“. // Блр. *валы́ндацца* „шляться, праздно шататься, таскаться“. — См. ВАЛАНДАЛЮ.

ВЯРКАТЬ „блеять, кричать (о кошке)“, Н-Рж., Остр. // Арх. *вярка* (вяркать) „ворчит“; *вяркýн, вяркýша* „ворчливый“. — Ср. лит. *vérkauti* „кричать, стонать (о сове)“, *veiktí* „плакать“, *verkšlá, veĩksmas* „плач“; лтш. *verkstēt* „тихо плакать“ и др.

ВЯТЕЛЬ, ВЯТР, ВЯТЕР, ВЯТЕРЬ „рыболовная снасть, вентерь“. // Русск. литерат. *вентерь* с разными фонетическими вариантами встречается повсеместно. /// Блр. *венцерь*; укр. *вентерь, ятерь* и др.; польск. *więcierz*. Болг. *винтер, вентер* через рум. *vinír* из русск. *вентерь* (БЕР, 149). — Лит. *vénteris, véntaris, véntaras* „вид рыболовной сети“, лтш. *veñteris* то же; REW, I, 183; LEW, 1223 — 1224.

ГИГЯЛЫ́ „хвощ полевой“, Себ. // Русские говоры в Латв. ССР: *дигэль* (множ. ч.: *дигялы́*) „растение, хвощ“. /// Блр. *гигэль* (множ. ч.: *гигялы́*) „хвощ“, польск. диал. *gigel* знач. не указано. — Лит. *gigėlis, gigėlis, gegėlis* „полевой

хвощ". Это слово, вероятно, того же происхождения, что и лит. *gegūtė* „кукушка“ (LEW, статья *gegužė*). Ср. в семантическом плане: *gegūtis* „хвощ“, *gegūtės duonėlė* „хвощ“ (т.е. „хлеб кукушки“); ср. Урбутис, 53.

ГИНДОВА́ „вид кастрюли“, Сланц.; *ендовик* „кружка из жести для питья“, Порх. // Олон., Пенз., Твер., Костр. *ендова́, яндова́* „кружка для пива; большая овальная посуда для пива с ручками“. /// Блр. *яндова́* „особого рода кружка“; укр. *яндилá, яндола́* „большая миска с двумя ручками; крышка для улья; углубление в вершине горы“; польск. *jandowa, jandula* „кубок, бокал“. – Вероятно, заимствовано из лит. *indaujð* „посудный шкаф, буфет“; REW, I, 399.

ГИРСА́ „сорняк в хлебе, во ржи; костер; отбросы“, Оп., Пуст., Себ., Стр. // Русские говоры в Лит. и Латв. ССР: *гирса́* „житняк“. /// Блр. *гiрса* „трава в пшенице“; укр. *дiрза, кiрза* „сорняк в пшенице, стокосос“; польск. *girsá* „костер, куколь“. – Лит. *girsá, dirsi* „костер“; лтш. *dzirši* (мн. ч.) то же; REW, I, 270; LEW, 138, статья *gařštis*.

ГРУНДУ́ЛЬ „пескарь (рыба)“, Кр. – Лит. *grundulys, gruñdulas, gruñdalis* „пескарь“; лтш. *gruñdulis* то же, которое, вероятно, заимствовано из ср.-н.-нем. *grundele*; М – Е, I, 665.

ДЕГТЯ́РЬ „человек, занимающийся изготовлением дегтя“, Вл. // Производное от русск. *деготь*. // Ср. блр. *дэ́гоць, укр. дэ́готь, польск. dziegieć, ст.-чешск. dehet, слов. deht*. – Лит. *degūtas* „деготь“; лтш. *deguts, deguots* то же, к *dėgti* „гореть“; REW, I, 335; LEW, 86.

ДЗЫ́РДА (*бегай, как дырды*) „туда-сюда бегать“/, Оп.: *зы́рда |шьь зыр-да бегаем|*, Остр.; *зырды́* „лентяи“, Пушк. /// Ср. блр. *ды́рда* „девочка шалунья...; человек высокого роста“, *ды́рдас* „мальчик шалун...“ – Вероятно, заимствовано из лит. **dirda(s)*, ср. фамилию *Dirda*, а также *dirdinėti* „слоняться, бездельничать“.

ДИРВА́Н „пустырь“, Себ. // Тульск. *дирва́н* „пустырь“; *дырва́н* Смол. „запущенная земля“; запд. (Даль) „перелог, паренина, пар“. /// Польск. *dyrgan* „залежное поле“. – Лит. *dirvonas, dirvonas* „целина, залежь; нива, покинутая без обработки“; REW, I, 386; LEW, 97.

ДЫ́ЛДА „высокая женщина; человек большого роста“, Остр. // В значении „высокий, нескладный человек“ слово *дылда* (*дыдло*) встречается почти во всех русских говорах. // Ср. также блр. *ды́лда* „высокий, неповоротливый, дурно сложенный человек“. – Вероятно, заимствовано из лит. *dilda* „неповоротливый, непроворный человек“, лтш. *dilda* „высокий, неповоротливый человек“.

ЕВНЯ́ „помещение для сушки снопов; овин“, Нев. // Запад. (Даль) *евня* „овин, клуня“; Смол. *эвня, евня* „зерносушильня; гумно, ток“. /// Блр. *эвня*,

ёвня, ёвня „овин“; укр. ёвня, ёвня то же; польск. *jewja, jawia, jew(n)ia. jow(n)ia* „помещение для сушки (снопов)“. — Лит. *jáuja* „овин, гумно; льняная сушильня и мяльня“, лтш. *jaija* то же, к *jāvas, jāvai* „яровые, хлеб“; LEW, 192; Карский Б, 1, 133; Даль 1; KKN, II.

ЖЛУК, ЖЛҪ́КТО „бук или кадка, в которой парят белье“, Оп., Кр., Локн. (КСРНГ). // Курск., Брянск. *жлук* „тук, пучок“; юж.-запд. (Даль) *жлук, жлүкто* „бук для стирки белья; кадка, отвар золы, зольная вода и камни или ядра для накалки“; Смол., Брянск. *жлүкто* „посуда для паренья белья“; Курск., Брянск., Орл. *жлүкта* „посуда для паренья белья; толстый человек“; Курск. *жлуп, жлүтка* „кадка, в которой бучат белье“; Дон. *жлүкта* то же. /// Блр., укр. *жлүкто* то же; польск. *zlukto* то же. — Лит. *žluktas, žlūktis* „бук, шолок для стирки; приготовленное для стирки белье“; REW, I, 427; LEW, 1318.

КАРШЁТЬ „прозябать; еле жить, ноги таскать (о старых и больных)“, Аш., Пуст.; *каршйтъ* „перебиваться, жить“, Копаневич; (*карчит* „живет помаленьку“), Аш. // Русские говоры в Латв. и Эст. ССР: *каршеть* „жить кое-как; перебиваться“. — Лит. *karšėti, kāršti (kařšti)* „кончать жизнь; проживать старость, слабеть; жить на содержании в старости“, *kārša, karšatis* „старость, конец жизни“, *kāršė* „старость; горе, забота“ и др., лтш. *kārst* „стареть, делаться зрелым“

КЛИБИТЬ „ворчать, предупреждать“, Ост., Пушк. — Лит. *klibinti* (диалект. *klibyti*), *klibėti* „постоянно просить, побуждать что-либо сделать“.

КЛҪ́МБА „обувь с кожаным верхом на деревянной подошве“, Себ. // Русские говоры в Лит. ССР: *клүмпи* „обувь на деревянной подошве“. /// Блр. *клүмба* „сапог с деревянной подошвой“ (Витебск); польск. *klump* (множ. ч.: *klumpie*) „деревянная обувь“. — Лит. *klūmpė, klūmbė* „башмак с деревянной подошвой или целиком деревянный“; лтш. *klumpas* „деревянная обувь“, из вост.-прусск. *klumpe, klotpe* „деревянные башмаки“; LEW, 275; KKN, II.

КЛҪ́НЯ „постройка для хранения половы, снопов; хлев, сарай“, Беж., Гд., Кр., Порх. // Курск., Томск., Тамб., Новосиб., Ворон., Свердл., Рост., Вост. Казахст. *клүня* „большой сарай; постройка для хранения снопов; рига“; Дон. *клүна* то же. /// Блр., укр. *клүня* „рига; сарай вроде гумна“, польск. *klunia, klonia* „стодола, сарай“. — Лит. *klūonas* „ток, гумно, сарай; посад (снопов)“, лтш. *klūņs* „ток, гумно“; REW, I, 573—574; LEW, 274—275.

КОВШ „корец, половник; чаша с зубьями, укрепляемая впереди экскаватора“. // Это слово встречается повсеместно и в других русских говорах и вошло в литературный язык. /// Блр. *ковиш* „деревянное черпало с ручкой“, укр. *ковиш* „посуда для питья, половник“, польск. *kowsz* „деревянное чер-

пало с ручкой". — Лит. *káušas*, лтш. *kaüss* „черпало, ковш; череп“; REW, I, 586; LEW, 231—232.

КРУМЁЛЬ „маленькая рыба“, Пуст. См. КУРМЕЛЬ.

КРУПЁНЯ „блюдо из крупы, чаще всего — суп“. Это слово (варианты: *крупейня*, *крупёння*, *крупень*, *крупёнья*, *крупёна*) отмечено почти во всех псковских говорах. /// Новг., Смол., русские говоры в Лит., Латв. и Эст. ССР: *крупень* „суп с крупой“; Ленингр., Новгор., Смол., Свердлов., Твер. *крупёня* „суп с крупой, род каши“. /// Блр. *крупёня* „простой деревенский суп из крупы“. — Лит. *kruopiėnė* „суп из крупы“.

КУВШИН, КУКШИН „глиняный сосуд с ручкой“. // Слово известно во многих русских говорах и вошло в русский литературный язык. /// Блр., укр. *кувшін* „кружка“. — Лит. **kaušinas* „большой половник“ (к *káušas*); REW, I, 679; LEW, 231—232.

КЎЛЫША „поясница, бедро“, Вл. /// В западных русских говорах *кўльжа*, *кўльша* „бедренный мосол“. /// Блр. *кўльша* „бедро“, укр. *кўльша* то же, польск. *kulsza* то же. — Лит. *kūlsė*, *kūlsis* „бедро“; REW, I, 690; LEW, 308.

КУРМЕЛЬ „пескарь, маленький налим“, Вл., Пуст., Себ. // Русские говоры в Латв. ССР: *курмэль* „налим“. — Лтш. *kurtulis* „крот“, лит. *kurmėlis* „кротик“, димин. к *kūrmis* „крот“.

КУРПЫ „берестяные лапти“, Остр.; „крутцы; пеньковые лапти; мужские сапоги с пряжками“ (кСРНГ); *курпак* „сапог без голенища“, Гд., Печ.; *курпáнный* „обувь, плетенная из льняных веревок“, Н-Рж.; *курпéи* „вид обуви, плетеной из березовой коры“, Палк. // Твер. *кўрпы* „крутцы, пеньковые лапти“, *курпін* „лапоть из охлопьев“; Яросл. *курпáники* „лапти“. /// Польск. *kurp*, *kurpie* „лапоть, плетеная обувь“. — Лит. *kūrpė* „сапог, ботинок“, лтш. *kuīpe* то же, др.-прусск. *kurpe* то же; REW, I, 702; LEW, 318.

КЯТЎРКА „вставка, клин в женских штанах; ширинка“, Себ. // Игнал. (Лит. ССР) *кятўрка* „ширинка“. — Лит. диалект. (восточн.) *ketūrka* „четырёхугольный отрез полотна, вставляемый в подмышке рубашки или в штанах для расширения шага; ширинка“, к лит. *keturi* „четыре“.

ЛУПАТЫЙ „человек с толстыми губами“, Себ. // Русские говоры в Лит. и Латв. ССР: *лупáтый*, *лунпáтый* „губастый“, производные от *лўпа* „губа“, *лўнна* то же (Лит., Латв. ССР). /// Блр. *лўпа*, множ. ч. *лўпы* „губы“, *лупáтый* „с большими губами“; польск. *lupa* „губа“. — Лит. *lūpa* „губа“, лтш. *lūpa* то же.

(ОБ)ЖЕРГНУТЬ „перешагнуть“, Себ. /// Блр. (а) *жергáць*, (об) *жергаць*, (пере) *жергаць* „сидеть верхом, переступать“; польск. *obżergać* то же. — Лит. (ар) *žėřgti* „перешагивать, садиться верхом на кого-нибудь; обхватывать ногами“; Отрембский, LW, 83; Розвадовский, 8.

ОТЌС, АТЌС „специальное приспособление у телеги, при помощи которого оглобля крепится к передней оси“, Вл., Нев.; *отѡсник* „сбор телеги; часть колес“, Нев.; *отѡсок* „часть колеса телеги“, Нев. // Ворон. *отѡс* „тяж (часть повозки)“; русские говоры в Лит. и Латв. ССР: *отѡса* „тяж“. /// Блр. *отѡса* „веревочный или ременный тяж, натянутый от оси к верхнему концу оглобли; правило“; укр. *отѡса, отѡса* „веревка, соединяющая концы передней оси с оглоблями“; польск. *ociosy, odos, otosa, otos* то же. — Лит. *atā-saja, atāsėja, ātsieja, ātsaja* „часть телеги, соединяющая оглоблю с передней осью“, к *siėti* „привязывать, связывать; соединять“; Носович, 377; Отрембский, GL, I, 69; Зданцевич, 345.

ПАКАЛЬЕ „пакля“. Другие фонетические варианты: *пáкалья, пáкель, пáколя, пáколье, пáколька*. // Русск. литерат. *пакля* „отходы от переработки льна“. /// Блр. *пáкулля* „пакля“, польск. *pakul* то же. — Лит. *pākulos* „пакля“, лтш. *pakulas* то же; REW, II, 303.

ПАРСУК „поросенок“, Пуст.; *парсѡк* „поросенок, свинья“, Вл., Нев., Себ.; *парасѡк* „поросенок, боров“. // Ряз. *парсѡк, парсѡн* „порось, боров“; запд. *парсѡк* то же; Новг. *паршѡк* „дрянь; прозвище крестьянина“. /// Блр. *паршѡк, парсѡк, парасѡк* „поросенок, кабан“; польск. *parsiuk* то же. — Лит. *paršiukas*, диал. *paršukas*, димин. к *paršas* „порось, кабан“; REW, II, 317—318; ККН, III.

ПЁЛЬКА „часть одежды; петля“, Аш., Беж., Кр., Локн., Н-Рж., Остр., Пск.; „большой деревянный совок или лопатка“, Гд., Оп., Пск.; „грудь“, Н-Рж., Оп.: *пель* „приспособление для вычерпывания воды из лодки“, Гд. // Данное слово со множеством значений известно и в других русских говорах, /// а также в белорусском и украинском языках. — Заимствовано из лит. *pėlkė* „болото“. Подробнее об этом слове см. Толстой, СГТ, 167—169.

ПУР, ПУРА „особая мера веса“, Аш., Гд., Ляд., Печ., Пск.; „приданое“, Пуст. // Русские говоры в Лит., Латв. и Эст. ССР: *пѡра* „мера веса“, Эст. ССР „приданое“. — Лит. *pūras* „мера веса“, лтш. *pūrs* „сундук для приданого“; REW, II, 465—466.

ПУТРА „похлебка на муке; каша; пойло для теленка“, Ляд., Нев. Пор., Печ.; *пѡтр* „каша из муки, сваренная в молоке“, Вл.; *пѡтор* „кушанье из картошки, муки и кваса“, Локн. // *Пѡтра* „пойло с мукой“, Калуж., „похлебка из разных овощей“, Эст.; Смол. *пѡтро* „похлебка из муки или отрубей“; Ворон. *пѡтря* „пшеничная каша в масле“. /// Блр. *пѡтра* „похлебка из солодовой муки, заквашенная в квашне“, укр. *пѡтря* „род кушанья из сваренного ячменя и сладкого кваса“, польск. *putra* „мучная каша“. — Лит. *putrà* „простой суп из крупы; каша; пойло для телят“, лтш. *putra* „каша, пюре“; REW, II, 469; LEW, 681—682. Кроме славянских, данное слово проникло

и в финские языки, ср. фин. *putro, puuro* „каша“, эст., вепс. *puđr* то же, см. указанные этимологические словари.

РАКА́ЛЯ „негодяй, проказник“, Печ. — Ср. лит. *rakalys* „распущенный, озорной человек; живодер; собаколов; фурманщик“, лтш. *rakalis* „живодер; распутник“, которые, как полагает Э. Френкель, заимствованы из нем. *Racker* „живодер; молодой, развязный человек; шельма“; см. LEW, статья *rakaris*.

РÉЗВИНЫ „плетеная корзина для носки сена, соломы“ (КСРНГ); *rózвины* „сеть для носки сена“, Вл. // Калуж., Яросл. *рэзвины* то же; Смол., Твер. *рбзвины* то же. /// Блр. *рэдзгины, рэзвины, рэзгины* то же; польск. *redzginy* то же. — Лит. *rezginė* (множ. ч.: *rėzginės*) „плетенка, сеть; корзинка (для носки сена)“, к *rėgzti* „плести“; REW, II, 506.

РУНКА́ЛЬ, РУ́НКУЛЬ „свекла“, Остр.; *ру́нкель, рў́нкиль* то же, Кр. // Русские говоры в Лит. ССР: *ру́нкули* „свекла“. — Ср. лит. *ruĩkulis, ruĩkulis* „свекла“; лтш. *ruĩkulis, ruĩkuls* то же. Балтийские слова, по мнению Э. Френкеля, заимствованы из нем. *Runkel*; LEW, 749, ср. также М-Е, III, 562.

РЯВГЕ́НЯ „заквашенная солодовая каша“, Себ. /// Блр. *раўгэ́ня* „род нектислого теста; особое кушанье“. — Лит. *raugienė* „солодовая каша; сорт кваса; кислые щи“, *rauginė* „горох с кислым тестом“ (к *raugas* „закваска“, *raugti* „квасить“); Карский, Б, I, 131.

РУ́ПИТЬ „хотеться, тянуть“, Локн., Тор.; „чувствовать; нетерпеливо хотеться; беспокоиться, волноваться“ (КСРНГ). // *Рў́пить* Калуж. „беспокоиться“; Твер. „хотеться“; русские говоры в Лит. и Латв. ССР: „озабочивать, беспокоить, интересоваться“; Смол. *рў́пит ему* „тянет его же“; Брянск., Калуж., Твер. *рў́питься* „работать старательно, стараться“. /// Блр. *рў́пиць* „заботиться“, укр. *рў́пати* „быть желанным, интересоваться“, польск. *rupić się* „стараться“. — Лит. *rūpėti* „интересоваться, хотеть; озабочивать“, *rūpinti* „озабочивать, беспокоить; обеспечивать, доставлять“, лтш. *rūpēt* „доставлять хлопоты, озабочивать“ и т.д.; REW, II, 548—549.

СВІ́РНА „постройка для хранения зерна, половы, снопов, сена“, Себ. (КСРНГ). // Смол. *свирѣн* „амбар для зерна“, запд. *свирон* то же. /// Блр. *свйрон, свйрня, свйрин* „кладовая, амбар“; польск. *świron, świrnia, świernia* то же. — Лит. *sviřnas, svirna* „амбар, клеть“; LEW, 955; Карский, Б, I, 135; Отрембский, GL, I, 69.

СКИ́РД, СКІ́РДА́ „стог сена“. // Слово общерусское, литературное. /// Блр. *скў́рта* „стог сена“; польск. *sterta, styrta* то же; укр. *скурта, стурта* то же. — Лит. *stirta* „стог сена“, лтш. *stiřta* „крышеобразная решетка на поле, куда складываются хлеба“; REW, II, 638; LEW, 910.

СКЛЮТ „столярный инструмент, тесак“, Себ.; *склюд* „широкий топор для обделки дерева“ (КСРПГ). /// Блр. *склют, шклюд* то же; укр. *шклюд* то же; польск. *sklut* то же. — Лит. *skliūtas, skliūtà* „тесло“, ср. *skliaūsti* „делать свод“, *skliaūtas* „свод“; лтш. *slute, šlute* „вид топора“; LEW, 811–812.

СЫРОПЫНЯ „простокваша“, Тор. /// Блр. *сырапэня, сырапэня* „простокваша; густое кушанье из крупы и воды“ (Витебск.). — Ср. лит. *pienas* „молоко“, лтш. *piēns* то же, которые, очевидно, легли в основу второго компонента данного сложного слова. Что касается первого компонента, то напрашивается сравнение с лит. *sūris*, лтш. *siērs* „сыр“, которые в славянских языках могли подвергнуться народной этимологии по аналогии со словом *сырой*. Таким образом, основой заимствования могло быть сочетание *sūrio pienas* (лит.) или, скорее всего, лтш. *siera piens* „молоко для сыра“, т.е. „прокисшее молоко, простокваша“; ср. Блезе, 19.

УДРА „выдра“. — Лит. *ūdra* (ср. лтш. *udris*, др.-прусск. *udro*) „выдра“. Для славянских языков характерно начальное *в-* в слове, отражающем индоевропейское **ūdrā*, а в восточнославянских языках индоевропейское долгое **ū* закономерно дает *ы*. Таким образом, фонетически псковск. *удра* можно объяснить только как заимствование из балтийских языков.

(У)ТРЯПТАТЬ „уйти“, экспр., Остр. — Так как связи с русск. *трепать* противоречит семантика и фонетика (*-я-* вместо *-е-*) псковского глагола, остается возможным сравнение с лит. *trepėnti* „стуча ногами, идти; бежать, топтать“, *trepėti* то же, междометие *trėpi, trėpt* „звук, издаваемый при ходьбе, когда стучат ногами“ (ср. также др.-прусск. *ertreppa* „перейти, выходить“).

ШАКОЛ, ШАКОЛА „шелуха от зерен гречи и других круп“, Вл., Остр., Себ.; *шакалá* то же, Пуст., Тор.; „злой, неуживчивый человек“, Холм.; *шекалá, шеколá* „отходы“, Оп. /// Польск. *szakal*, димин. *szakaluki, szakalik* „небольшая щепка, кусок раздробленного полена“. — Лит. *šakalys* (мнж. ч.: *šakaliai*) „щепка, лучина, полено“; Отрембский, LW, 83; Зданевич, 349; SGP, V. В семантике псковских слов, по-видимому, произошло сближение с другим балтизмом — *ашаки*; ср. еще Урбулис, 49.

ШАШОК „хорёк“, Оп., Себ. // Русские говоры в Лит. и Латв. ССР (у Даля — помета *зан.*): *шешók* „хорь, хорек“. /// Блр. *шашók, шешók* то же; польск. диал. *szeszek, šeska* то же. — Лит. *šėškas* „хорек“, лтш. *sėšks* то же; REW, III, 395–396; LEW, 977.

ШУЛА „угловое вертикальное бревно в постройках“, Нев.; *шўлы* „дверные пазы“, Пуст. // Смол. *шула* „столб“, Йонав. (Лит. ССР) *шўлы* „столбы“. /// Блр. *шўла* „столб (с пазами) в стене, в заборе, в воротах; стойка“, польск. *szula, szulo* „деревянный столб в стене или в заборе“; укр. *шўло, вовшўла, вшўло, овшўла, ушўла* „столб в заборе или в деревянной стене“. — Лит.

būlas, šulė „столб (в заборе, в стене избы); верев (в воротах); косяк (дверной), стойка; клепка“; REW, III, 435 и др.

ШУРПАТЫЙ „птица (гусь) с взъерошенными перьями“, Пуст. // *Шурпа* „петух со взъерошенными перьями“; русские говоры в Лит. и Латв. ССР: *шурпатый* „неровный, негладкий“. /// Блр. *шўрна* „кудрявая голова (прозвище)“, *шурпатый* „шероховатый“; польск. *szurpa* „гусь, курица, у которых растрепанные, негладко лежащие перья; неряха“, *szurpate* „шершавый, косматый“. – Лит. *šūrpa* „всклокоченный, взъерошенный“, *šiuřpis* „петух, курица, гусь, у которых перья взъерошены“; Буга, II, 622; Сабаляускас, 123–124; ГТ, 21.

ЯНТАРЕВЫЙ, *янтарище* и др. // Русск. *янтарь* (др.-русск. *ентарь* (*jentarb*)) заимствован из лит. *giņtaras, gintāras* „янтарь“; REW, III, 491 и др.

В приведенном списке содержится около 60 слов балтийского происхождения. Из них – 4 слова, проникшие в псковские говоры из немецкого языка через посредство балтийских языков. Остальные слова – исконно балтийские⁴.

Больше всего балтизмов отмечено в Себежском районе (19 слов), Пустошкинском и Островском районах (по 12 слов). Несколько реже балтизмы встречаются в Великолукском, Гдовском, Красногородском, Локнянском, Невельском и Опочечком районах (от 7 до 9 слов). В общем, наиболее широко балтизмы распространены в юго-западных районах Псковской области, что объясняется близостью этих районов к сфере влияния балтийских языков.

Большинство приведенных нами слов уже относились к балтизмам другими исследователями. Из этой группы слов следует выделить те слова, которые как балтизмы были отмечены в других славянских языках – в польском или белорусском, но до сих пор не говорилось о балтийском происхождении соответствующих слов в русском языке: *клуба*, *кулыша*, *лупатый*, *обжержнуть*, *склют*, *шурпатый*⁵. Из них слова *обжержнуть*, *склют*, *шакола* зафиксированы лишь в псковских говорах, а *клуба/клуби*, *лупатый/лупнатый*, *шурпатый* отмечены только в псковских говорах и в русских говорах на территории Латвийской и Литовской ССР.

⁴ Кстати, в псковских говорах не зафиксированы такие довольно широко распространенные балтизмы, как *алёс* „топь“, *кумляк* „окорок“, *твань* „топкое место, болото; грязь“ и др.

⁵ М. Фасмер слово *шурпа* приводит без этимологии, с пометой „Неясно“; REW, III, 438.

Но и для некоторых ранее отмеченных балтизмов псковский материал представляет большой интерес своей близостью к исконным балтийским формам, напр., *свирна* (к лит. *svirna*), *пакалье*, *пакола* с гласной между *к* и *л* — что также более близко к заимствованным балтийским формам, нежели русск. литерат. *пакля*.

В приведенном нами списке 15 слов вообще не были ранее отмечены как балтизмы. Это слова: *ариба*, *вайнуть*, *вяркать*, *грундуль*, *дылда*, *дзырда*, *каршеть*, *клибить*, *крупеня*, *курмель*, *кятурка*, *ракаля*, *рункаль*, *удра*, *утряптать*. Из них только в псковских говорах русского языка нами были обнаружены следующие слова: *ариба*, *вайнуть*, *грундуль*, *клибить*, *ракаля*, *удра*, *утряптать*. Балтийское происхождение этих слов обосновывается критериями, уже не раз применявшимися М. Фасмером, Э. Френкелем и другими исследователями. Это, в первую очередь, отсутствие надежной этимологии на славянской почве и наличие большой семьи однокоренных, семантически близких слов с четкой этимологией в балтийских языках; фонетические и морфологические особенности слова, свойственные лишь балтийским языкам и не укладывающиеся в соответствующие рамки славянских языков. Отсутствие исследуемого слова в южнославянских языках и непосредственная близость ареала его распространения к балтийским языкам тоже могут служить немаловажным критерием для установления балтийского происхождения того или другого слова, особенно веским в тех случаях, когда географические данные подкрепляются этимологическими, фонетическими или морфологическими особенностями.

Ареал исследуемых слов приведен нами выше в списке псковских балтизмов. В большинстве случаев — это районы, расположенные по соседству с Латвийской и Литовской ССР. В пользу балтийского происхождения этих слов говорят также их фонетические и словообразовательные особенности и отсутствие какой-либо надежной этимологии на славянской почве. Исключение здесь составляют лишь слова *ариба* и *крупеня*, для которых в славянских языках, казалось бы, можно найти приемлемую этимологию (связь со словами *орать*, *крупá* и т. д.). Но словообразовательные особенности слов *ариба* и *крупеня* делают их славянское происхождение более чем сомнительным. В славянских языках суффикс *-*ba*, как правило, выступает в форме *-*ibā* (*свадьба*, *усадьба* и др.), в отличие от балтийского *-*ibā* с долгим **i*. Причем, в балтийских языках этот суффикс отличается гораздо большей продуктивностью и разнообразием форм: *darýba* „образование“, *žvejýba* „рыболовство“, *daugýbē* „множество“, *dalýbas* (мн. ч.) „деление“ (ср. лтш. *dalības* то же) и мн. др. Принадлежность суффикса *-*ibā* к особенностям балтийского, а *-*ibā* — славянского словообразования неоднократно отмечалась

в литературе⁶. Следовательно, в слове *ариба* использована балтийская модель словообразования, а закономерной славянской формой является слово *орьба* „пахота“, засвидетельствованное, например, в Островском районе Псковской области.

Во всех вариантах слова *крупеня* можно выделить суффикс *-еня* (ср. лит. *-ienė*), который для образования названий пищи употребляется лишь в балтийских языках: ср. лит. *būlvė* „картофелина“ — *bulviėnė* „картофельный суп“ (→ польск. *bulvienia*), *lāpas* „лист“ — *lapiėnė* „суп из зелени“ (→ польск. *lapienia*), *kiaušinis* „яйцо“ — *kiaušiniėnė* „яичница“, *rāugas* „закваска“ — *raugiėnė* „солодовая каша, кислые щи“ (→ блр. *раўгеня*, псков. *рвагеня*) и др.

Одним из наиболее интересных слов по своему образованию является слово *кятурка*. Несмотря на суффикс *-ка*, который, скорее всего, славянского происхождения⁷, это слово относится к числу балтизмов ввиду фонетических особенностей (*-к-* вместо *-ч-*, *-я-* вместо *-е-*, *-у-* вместо *-ы-*; ср. лит. *keturi* и русск. *четыре*). Возникнуть подобное слово могло лишь в двуязычной среде, где тесно переплелись фонетические и морфологические особенности двух разных языков.

Фонетические критерии играют решающую роль и при установлении балтийского посредничества в заимствованиях германского происхождения *grundulь*, *клумба*, *ракаля*, *рункаль*. Если отвергнуть возможность балтийского посредничества, то было бы крайне затруднительно объяснить фонетическую близость, почти идентичность (за исключением флексии) псковских слов с соответствующими балтийскими словами, так как в принципе германизмы в славянских и в балтийских языках в отдельности оформляются по-разному. Не менее затруднительным, в свою очередь, было бы и объяснение такого узкого, специфического ареала данных слов в русских говорах при предполагаемом непосредственном заимствовании из германских языков. Остановимся в качестве примера на словах *grundulь* и *ракаля*. Оба этих слова встречаются только в псковских говорах русского языка. Они отсутствуют в польском и белорусском языках. Непосредственное заимствование из средненижнегерманского *grundele* здесь представляется маловероятным. В то же время, наличие переходных балтийских форм на *-alās*, *-ulis*, *-ulyš* (см. стр. 84) хорошо восполняет недостающие переходные звенья. То же самое можно сказать и о слове *ракаля*. Лит. *ràkeris*, *ràkaris*,

⁶ А. Мейе. Общеславянский язык, М., 1951, стр. 285–286; F. Specht. Der Ursprung der indogermanischen Deklination, Göttingen, 1944, S. 273 и др.

⁷ О возможности появления славянского суффикса *-ка* в словах литовского происхождения см. Р. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba, Vilnius, 1943, стр. 122–123.

rākalis (rakalys), лтш. *rakaris, rakalis* также служат надежным связующим звеном между нем. *Racker* и псков. *ракаля*, свидетельствуя о балтийском посредничестве при заимствовании этого слова.

Распределение приведенных выше балтизмов по семантическим группам связано с целым рядом трудностей. Имеются слова, которые ввиду своей многозначности могут быть отнесены к разным семантическим группам, напр., *баланда* — это и растение, и название кушанья; *пелька* — и географический термин, и название орудия труда, и часть одежды. Возникают трудности и в связи с разницей в значениях исходного заимствуемого и заимствованного слова. Например, лит. *pėlkė* „болото“ — псков. *пелька* „ворот“, „петля“, „деревянный совок“ и др., лит. *indaujā* „посудный шкаф“ — псков. *гиндова* „кастрюля“, „кружка“. Заимствованные глаголы тоже могут быть характеризованы с разных точек зрения. Они могут быть распределены и по своей стилистической роли в высказывании, и по способам действия (глаголы состояния, движения) и т.д. В своем семантическом анализе мы старались объединить слова в более общие семантические группы, которые дали бы возможность установить те сферы реалий, в которых возникло наиболее значительное количество заимствований.

Наиболее яркой и богатой является сельскохозяйственная лексика: *ариба, ашаки, диран, ёвня, клуня, пелька „совок“, пура, свирна, скирда, шакола, резвины; баланда, гизяли, гирса, рункаль; парсук*.

Значительное место занимает также ремесленная лексика: *дегтарь, накалье, склют, шуло*. Сюда же можно отнести названия сельскохозяйственных построек (*ёвня, клуня, свирна*) и предметов домашнего обихода (*ковш, гиндова, жлукто, курпы, клумба* и др.).

Одна из наиболее заметных семантических групп среди псковских балтизмов — это названия кушаний: *баланда, крупеня, сыропыня, путра, рявгенья*.

К рыболовецкой лексике относятся такие слова, как *вятель,grundуль, курмель*.

Остальные семантические группы представлены преимущественно единичными примерами: *кятурка, пелька* (части одежды); *парсук, удра* (названия животных); *кулыша* (части тела); *янтарь* (название драгоценного камня).

В плане экспрессивности целый ряд балтийских заимствований имеет ярко выраженный, преимущественно уничижительный оттенок: *вайнуть, валандаться, вяркать, дзырда, дылда, каршеть, клибить, лупатый, обжергнуть, ракаля, рупить, утряптать, шурпатый*.

Приведенные балтизмы разнородны как по времени своего заимствования, так и по степени распространения в диалектах русского языка. Вопросы

относительной хронологии заимствования, связь псковских балтизмов с балтизмами других диалектов русского, а также белорусского, украинского, польского и чешского языков — все это представляет предмет дальнейшего исследования. Но уже и приведенные факты говорят о том, что псковские говоры дают очень интересный и ценный материал для изучения балто-славянских лексических связей.

Сокращения

а) Языки и диалекты

блр. — белорусский	лтш. — латышский
болг. — болгарский	нем. — немецкий
вепс. — вепсский	польск. — польский
вост.-прусс. — восточнопруссский (диалект немецкого языка)	рум. — румынский
др.-прусс. — древнепруссский	русск. — русский
др.-русс. — древнерусский	слов. — словацкий
Игнал. — русские говоры из Игналинского района (Лит. ССР). Материалы сообщены студентом ЛГУ Г. Л. Скуратовым.	ср.-н.-нем. — средненежно-немецкий
лит. — литовский	ст.-чешск. — старочешский
	укр. — украинский
	фин. — финский
	чешск. — чешский
	эст. — эстонский

б) Словари, монографии, статьи

БЕР	— Български етимологичен речник. Съставили Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев, св. 1, 2. София, 1962.
Блезе	— E. Blese. Alcuni rapporti fra il bianco russo e le lingue baltiche. — <i>Studi Baltici</i> , V, 1935—1936, стр. 1—29.
Буга	— K. Būga. Rinkiniai raštai, t. I—III. Vilnius, 1958—1961.
Зданцевич	— T. Zdancewicz. Litewskie elementy słownikowe w gwarach polskich okolic Sejn. — <i>Lingua Posnaniensis</i> , 1960, VIII, стр. 333—352.
Карский Б.	— E. Ф. Карский. Белорусы, т. I—III, Вильна — Варшава, 1904—1922.
ККН	— J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, t. I—VIII, Warszawa, 1900—1927.
LEW	— E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg—Göttingen, 1955 ff.
М—Е	— K. Mühlenbach—J. Endzelin. Lettisch—Deutsches Wörterbuch, Bd. I—IV, Riga, 1923—1946.
Носович	— И. И. Носович. Словарь белорусского наречия, СПб., 1870.
Отрембский GI	— J. Otrębski. Gramatyka języka litewskiego, t. I—III, Warszawa, 1956—1965.
Отрембский LW	— J. Otrębski. Lituanizmy słownikowe w dialekcie polskim na Wileńszczyźnie. — <i>Język Polski</i> , XVI, 1931, s. 79—85.

- REW** – M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I–III, Heidelberg, 1953–1957.
- Розвадовский** – J. Rozwadowski. O pierwotnym stosunku wzajemnym języków bałtyckich i słowiańskich. – „Rocznik slawistyczny, t. V, Kraków, 1912, s. 1–25.
- Сабалиускас** – A. Sabaliauskas. Lietuvių kalbos leksikos raida. – Lietuvių kalbos leksikos raida, Vilnius, 1966, p. 5–141.
- SGP** – J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, t. I–VI, Kraków, 1900–1911.
- Толстой СГТ** – Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология, М., 1969.
- Урбутис** – V. Urbutis. Dabartinės baltarusių kalbos lituanizmai. – Baltistica, V (1), Vilnius, 1969, p. 43–68.

в) Прочие сокращения

- димин.** – диминутивное значение
- перен.** – переносное значение
- экспр.** – экспрессивное значение

Ленинградский государственный
университет

Октябрь, 1969

PSKOVO TARMŪ BALTIZMAI

J. LAUČIŪTĖ

Reziumė

Pskovo tarmės užima ypatingą vietą kitų rusų tarmių tarpe savo fonetikos, morfologijos ir kitų kalbinių bruožų artimumu baltų kalboms (žr. A. I. Sobolevskio–B. A. Larino ir A. A. Šachmatovo – F. P. Filino hipotezes), ir šių tarmių leksikos tyrinėjimai svarbūs ne tik tarmių kilmės klausimo sprendimui, bet ir baltų–slavų kalbų ryšių problemai. Straipsnyje nagrinėjama ribota leksikos sritis – baltų kalbų skoliniai Pskovo tarmėse. Remiantis Pskovo srities žodyno kartotekos medžiaga ir ją papildant Rusų tarmių žodyno duomenimis, pateikiamas Pskovo baltizmų sąrašas su trumpa kai kurių žodžių etimologija. Be to, stengiamasi išryškinti Pskovo tarmių baltizmų savitumus, lyginant su kitų rusų tarmių ir, iš dalies, kitų slavų kalbų baltizmais. Straipsnio pabaigoje duodama trumpa semantinė pateiktų baltų kalbų skolinių charakteristika.